

Посвящается Майе

КНИГА ПЕРВАЯ

МУЖСКОЙ КЛУБ

...Но право, может только хам
Над русской жизнью издеваться...

Александр Блок

Наконец-то! Двери! Здесь, у дверей своей квартиры, я вздохнул с облегчением: сейчас нырну куда-нибудь во что-нибудь теплое, во что-нибудь свое, в подушку, в одеяло, или в кухню нырну, где так красиво разложены овощи... а может быть, нырну в книгу... там валяются на полу «Приключения капитана Блада» и «Драматургия Т.С. Эллиота» и какая-то лажа по специальности, словом... а не нырнуть ли в горячую ванну?.. никому не открывать, на звонки не отвечать, сидеть в пузырях, в простых и понятных мыльных пузырях и забывать всю эту внешнюю дикую белиберду.

Я переступил порог и блаженно пошевелил пальцами в сумерках. Вот выплыли из темноты мои домашние: ковбой, нарисованный на двери уборной, чучело пингуина, ключ Ватикана с портретом папы Иоанна XXIII, рулевое колесо разбитой в молодые годы автомашины, посох Геракла, лук Артемиды, ну вы знаете, все такое шутовское, благодушное (спасибо женщинам за заботу!) ... милые, милые домоладцы... как вдруг в глубине квартиры громкий голос отчетливо сказал: «Родина картофеля — Южная Америка!»

...и тут я позорно растерялся, заметался под напором этого страшного голоса, который продолжал говорить что-то уже совсем непонятное. Я покрылся

липким стыдным потом, пока не сообразил, что это телевизор где-то в моей квартире работает. Наверное, вчера забыл выключить, когда блаженствовал с бутылкой перед мелькающим экраном.

Опомнившись, я бросился в спальню, прыгнул на кровать, стянул с ног башмаки, закутался в шерстяное одеяло, включил ночник, открыл журнал «Вокруг света» и положил его себе на лицо. Сердце еще колотилось, дергалась мышца на шее, прошедший день бушевал в закрытых глазах, словно компания пьяных подонков.

Да, все-таки, что же особенного произошло? Да ведь ничего же особенного, ей-ей. Давай, друг, организуй прошедший день. Возьми себя в руки. Начни с утра.

...Утром я плелся по переулку к метро, а за моей спиной ничего особенного не происходило, только что-то ужасно скрежетало, громыхало и лязгало. Понимая, что там нет ничего особенного, я все-таки не оборачивался, боялся — а вдруг что-нибудь особенное?

Навстречу мне между тем под ветром и брызгами дождя шел человек с разлохмаченной головой. Перед собой он держал половинку арбуза и ел из нее на ходу столовой ложкой.

Беспредельно пораженный этой картиной, я понял, что есть какая-то связь между этими утренними явлениями, и обернулся.

Мальчик лет десяти тащил за собой по асфальту ржавую железную койку, на которую нагружены были тазы, куски водопроводных труб, краны, мотки проволоки, бампер инвалидной коляски и что-то вроде старинного самолетного пропеллера.

Я быстро рванул в сторону и остановился на углу. Оглянулся снова. Мужчина с арбузом приближался к мальчику с железом. Вот они поравнялись и остановились. Мужчина зачерпнул ложкой поглубже и

угостил мальчика. Мальчик с аппетитом съел содержимое ложки, а потом что-то сердито сказал мужчине, покрутил пальцем у виска и стал разворачивать свой транспорт под арку дома. Мужчина виновато пожал плечами, усмехнулся и пошел дальше на шатких ногах.

Я вытер пот со лба. Ничего страшного не происходит, ничего абсурдного, мир ничуть не изменился за прошедшую ночь. Мальчик тащит в родную школу свою норму металлолома, а мужик, его папаня, бедолага-алкаш, ничем не хуже меня, идет от арбузного лотка к «Мужскому клубу», пивному ларьку возле Пионерского рынка. Вот только где ложку взял — загадка. Неужто прихватил из дома? Неужто такая предусмотрительность?

Я обнаружил вокруг себя привычный хлопотливый уют московского перекрестка, где торговали пирожками, шоколадками, яблоками, сигаретами, расческами. Купил яблоко, пирожок с мясом, шоколадку, пачку «Столичных», расческу и причесался тут же перед телефонной будкой. Как мило все вокруг! Каким добродушным юмором наполнены все предметы!

Возле метро, как всегда, в наполеоновской позе стоял мой сосед Корешок, brutальный мужчина полтора метров роста, но с ярко выраженным мрачным сексапиллом. Исполинская грудь его была выпячена, волосы расчесаны и заправлены за крупные уши, голубой пижамный шелк полоскался вокруг крохотных ног.

Я поздоровался с Корешком, но он меня даже и не заметил. Мимо как раз бежали лаборантки из Института киноплёнки, и Корешок следил за ними мрачно горящим взглядом, воображая, должно быть, себя и свой член в их веселой стайке. Словом, все было на своих местах, и я стал спокойно спускаться в наш подземный мраморный дворец.

Приятно, в самом деле, иметь у себя под боком подземный мраморный дворец. Даже нам, современникам космической эры, приятно, а как приятно, должно быть, было москвичам тридцатых годов. Такие дворцы, конечно, очень их бодрили, потому что значительно расширяли жилищные условия и приобщали к безопасному величественному патриотизму.

Светились, подмигивали разменные автоматы, но я направился к последней на нашей станции жилой кассирше.

У этой милой усталой женщины, просидевшей в мраморном дворце всю свою жизнь, теперь, в автоматное время, начали отдыхать руки, и даже книга появилась, в которую она иногда заглядывала своим лучистым глазом.

Мне нравилось менять серебро у нее, а не в автомате: то ахнешь на бегу насчет погоды, то пошутишь по адресу женского пола, а однажды, не сойти мне с этого места, я преподнес ей гвоздику.

Я уж открыл было рот для шутки, экие, мол, женщины чудачки, как вдруг увидел за стеклом вместо милой кассирши нечто совсем другое.

Не мигая, на меня смотрело нечто огромное, восковое или глиняное, в застывших кудряшках, с застывшими сумками жира, лежавшими на плечах, нечто столь незыблемое, что казалось, Творец создал его сразу в этом виде, обойдясь без нежного детства и трепетной юности. Орденовая планка венчала огромную, но далеко не женскую грудь новой кассирши. Знак почета, что ли?

— А где же Нина Николаевна? — спросил я растерянно.

Ничто не дрогнуло, ни одна кудряшка, только пальцы чуть пошевелились, требуя монеты.

— А что же Нина Николаевна? — повторил я свой вопрос, просовывая в окошко пятиалтынный.

— Умерла, — не размыкая губ, ответила новичок и бросила мне два пятака.

— Два? — спросил я.

— Два.

— А полагается ведь три?

— Три.

— А вы мне даете два?

— Два.

— Понятно. Извините. Спасибо.

Я схватил монеты и, насвистывая что-то, устремился к турникетам, вроде бы ничего особенного не произошло, вроде бы все в порядке, а на самом деле все было не в порядке, все колотилось то ли от ужаса, то ли от странной неожиданности, от пугающей новизны жизни.

Отмахиваясь от диких воспоминаний, я лежал с журналом «Вокруг света» на лице, а внутри, в глубине моей квартиры тем временем творилось что-то невероятное, шла призрачная тележизнь.

— Виктор Малаевич — ВРАЧ, — сказал там кто-то со страшным нажимом.

Пауза. Покашливание.

— ...и вместе с тем ФИЛАТЕЛИСТ, — это было сказано значительно мягче.

Снова пауза, стук стульев... и уже совсем по-человечески:

— Пожалуйста, Виктор Малаевич.

Заливистый короткий кашлешочек Виктора Малаевича.

Ясно, что еще и КУРИЛЬЩИК.

— Вот зубцовая марка черно-красного цвета без номинала...

Когда-нибудь в проклятом ящике перегорит трубка? Нужно встать, изгнать филателистов из квартиры и чаю заварить, крепчайшего чаю, а виски — ни капельки, хотя вот же на подоконнике почти полная бутылка «Белой лошади»... Машка вчера (позавче-

ра? третьего дня?) принесла с Большой Дорогомиловской, из валютки... какая трогательная забота!

В поезде метро все свои шесть перегонов Аристарх Аполлинариевич Куницер думал о новой кассирше. Нет, не от жадности она зажала третий пятак, оно не ищет выгод, он лишь показал мне свою неумолимость, он удержало мой пятак, УДЕРЖАЛО без объяснения причин, оно не ответил на улыбку и не ответило бы и на слезы, этого их благородие не любят.

Обычно он приободрялся, подходя к своему институту, где заведовал огромной секретнейшей лабораторией, начинал думать о своей науке, о морали, о лазерных установках, о сотрудниках и сотрудницах, у кого сегодня библиотечный день, у кого месячные, о деньжатах, о халтурке и так далее, но сегодня все лезла в голову утренняя дичь: и металлолом, и арбуз с ложкой, и глиняный бульдог вместо Нины Николаевны, и третий пятак, блуждающий сейчас неизвестно где по подземному царству.

Следующий сюрприз ждал Куницера в гардеробе собственного института. Новый гардеробщик прищуренным чекистским взглядом смотрел на него. Седоватый ежик на голове, сквозь который просвечивает буроватая с пятнышками кожа, пучки седых волос из ушей и над бровями, надменный мешок под подбородком и горячие черные вишенки глаз, полные неприязни, подозрительности и даже — ей-ей — презрения...

Куницер вздрогнул. Горячие эти глазки и даже не столько глазки, сколько презрение в них, что-то ему напомнили. Что? Воспоминание уже улетело, едва коснувшись лба совиным крылышком.

Тьфу ты, пропасть! Он бросил ему пальто, взял номерок, взбежал по лестнице, но не удержался и выглянул из-за колонны.